

ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ: ЧТО О НЕМ ПИШУТ ИССЛЕДОВАТЕЛИ И ЧТО ОН САМ РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ¹

Е.Ф. Кринко

Аннотация. Ценность нарративов участников Великой Отечественной войны как исторических источников возрастает уже вследствие постепенного ухода из жизни поколения фронтовиков. Первые опросы среди фронтовиков проводились еще в годы войны, однако эти источники долгое время оставались не востребованы. Художественная литература первоначально играла главную роль в создании представлений о фронтовиках. В советской и зарубежной исторической науке рассматриваемые вопросы не являлись предметом специального изучения. Публикации мемуаров участников войны испытывали значительное воздействие идеологии. Только в 1990–2000-х гг. профессиональные историки стали изучать фронтовое поколение как социальную группу. Существенное значение для выработки новых представлений об участниках Великой Отечественной имеет становление военно-исторической антропологии в России, современные публикации воспоминаний и дневников, а также развитие устно-исторических исследований в последние десятилетия. Цель статьи – выяснение особенностей формирования образов фронтовиков, сражавшихся за Родину в годы Великой Отечественной войны, в профессиональной историографии и в их собственных воспоминаниях. Статья написана на основе историографических и исторических источников, включая опубликованные воспоминания и неопубликованные интервью с участниками Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, воспоминания, дневники, нарративы, историография, память о войне, устная история, фронтовое поколение.

Кринко Евгений Федорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41, krinko@ssc-ras.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII–начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект №17-18-01411).

THE MAN IN WAR: WHAT RESEARCHERS WRITE ABOUT HIM AND WHAT HE SAYS ABOUT HIMSELF

E.F. Krinko

Abstract. The value of the narratives of the participants in the Great Patriotic War as historical sources is increasing because of the gradual disappearance of the generation of front-line soldiers. The first polls among front-line soldiers were carried out during the war years, but these sources remained unclaimed for a long time. Fiction originally played a major role in the creation of ideas about front-line soldiers. In Soviet and foreign historical science, the issues under consideration were not the subject of a special study. The publications of the memoirs of the participants in the war were greatly influenced by ideology. Only in the 1990s–2000s professional historians began to study the front-line generation as a social group. The formation of military-historical anthropology in Russia is essential for the development of new ideas about the participants in the Great Patriotic War, as well as publications of memoirs and diaries, and the development of oral history research in recent decades. The purpose of the article is to clarify the features of the formation of images of front-line soldiers who fought for their Motherland during the Great Patriotic War, in professional historiography and in their own memoirs. The article is written on the basis of historiographic and historical sources, including published memoirs and unpublished interviews with participants in the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, memoirs, diaries, narratives, historiography, memory of the war, oral history, front-line generation.

75-летие Победы в Великой Отечественной войне стало, вероятно, последним юбилеем, в котором смогли принимать участие бывшие фронтовики. Постепенно поколение победителей уходит, и это неминуемо ставит вопросы о том, какую роль они сыграли в войне, а она – в их собственной жизни. Как они смогли перейти от поражений к победам над самой сильной в то время армией в мире, как выжили в условиях, казавшихся несовместимых с жизнью? Что чувствовали, когда теряли своих боевых товарищей? Каковы мотивы массового героизма и паники? Оставляла ли ненависть к врагу место любви и состраданию в душе солдата? Вопросов остается много, а возможностей задавать их самим фронтовикам и получить непосредственно от них соответствующие ответы уже практически нет. Вследствие этого возрастает ценность имеющихся в распоряжении исследователей нарративов участников войны.

Целью данной статьи является выяснение особенностей формирования образов фронтовиков, сражавшихся за Родину в годы Великой Отечественной войны, в профессиональной историографии и в их собственных воспоминаниях. Цель статьи предопределила ее источниковую основу, которую составили как историографические источники, так и различные источники личного происхождения.

Первые образы защитников Родины создавались публикациями военных лет, представлявшими собой небольшие брошюры, статьи в периодической печати, художественные произведения, авторами которых являлись, в основном, писатели и журналисты, ставшие военными корреспондентами. В значительной степени их появление было обусловлено задачами пропаганды, призывавшей прославлять героические подвиги советских военнослужащих, как достойные примеры для подражания. Напротив, сообщения о проявлениях трусости среди советских военнослужащих вычеркивались военной цензурой, как, впрочем, и примеры казавшегося неправдоподобным героизма [Советская пропаганда, 2007, с. 612, 655–656 и др.]. Военная цензура запрещала публиковать сведения «о неудовлетворительном состоянии дисциплины и политико-морального состояния подразделений, части корабля, соединения (невыполнении боевых приказов и распоряжений, случаи дезертирства, перехода на сторону врага, членовредительства, проявлении недовольства материальным положением, случаи воровства, мародерства, ненормальных взаимоотношений военнослужащих между собою и с населением)», а также о воинских преступлениях, чрезвычайных происшествиях и другие материалы [Советская пропаганда, 2007, с. 551–552]. Под запреты попадали описания различных событий. Так, 24 июня 1943 г. цензоры сняли рассказ Л. Кассиля «Как это было», в основу которого был положен «случай аварии нашей подводной лодки, имевший место на Северном флоте», поскольку в нем «в весьма невыгодном свете и неправильно показаны наши командиры, их взаимоотношения и дисциплина». В частности, командир дивизиона подводных лодок, обращаясь к командиру лодки, говорил: «Распорядись, Витенька, мне стопурочку выдать. А то, что-то ломит меня...» [Советская пропаганда, 2007, с. 654].

Разумеется, содержание публикаций военного времени не сводилось только к реализации идеологических установок. В литературе, особенно в поэзии, уделявшей

значительное место лирическим героям и сюжетам, нашло отражение все многообразии переживаний и чувств человека на войне. Среди них любовь к родной земле, матери, жене или невесте, тоска по дому, горечь разлуки, надежды на встречи. Одним из самых запоминающихся образов стал Василий Теркин, привлекательность которому в первую очередь обеспечил его живой характер «обычного» человека («Просто парень сам собой / Он обыкновенный» [Твардовский, 1976, с. 14]). К тому же в «Книге про бойца» в доступной форме рассказывалось о солдатской жизни на войне — не только в бою, но и в походе, на привале. В ней говорилось: «Про огонь, про снег, про танки, / Про землянки да портянки, / Про портянки да землянки, / Про махорку и мороз» [Твардовский, 1976, с. 85]. Бытовые условия, ранения и награды, отношения между бойцами внутри воинского коллектива, отношения с населением и другие сюжеты были выписаны А. Т. Твардовским с точным знанием дела, как настоящим фронтовиком, без идеологических штампов и упоминаний о руководящей роли партии и имени И. В. Сталина, что, наряду с всенародной популярностью, вызвало критику со стороны партийного руководства [Плимак, 2008].

Окончание войны придало новые стимулы творческим поискам, способствуя появлению следующего поколения авторов-фронтовиков, писавших о войне, не имея ни соответствующего образования, ни предыдущего опыта, как В. П. Некрасов, вошедший в историю русской литературы, по собственным словам, в «армейских кирзачах». Его во многом автобиографическая повесть «Сталинград» («В окопах Сталинграда») считается первым произведением «не о войне, а изнутри войны», рассказом «не наблюдателя, а участника, находившегося на переднем крае» [Перевалова, 2012]. Однако вскоре идеологические кампании привели к ужесточению требований к литературе и критике произведений, не вписывавшихся в официальные рамки. Так, 23 марта 1953 г., уже после смерти Сталина, было принято постановление Президиума Правления Союза советских писателей СССР «О романе В. Гроссмана “За правое дело” и о работе редакции журнала “Новый мир”». В нем говорилось: «В. Гроссман не передал силы и красоты нравственного облика советского народа, он не показал типического образа советского человека — героя великой Сталинградской битвы. Не создав сильных и законченных образов простых людей из народа, героических борцов за социалистическую Родину, автор поставил в центр произведения людей мелких, незначительных, обывателей». Осуждались и другие произведения о войне, содержащие «крупные идейные пороки». В их число, например, попала повесть Э. Казакевича «Сердце друга», рассказывавшая о возникших на фронте чувствах между двумя молодыми людьми, нашедших свое продолжение в их дочери, родившейся после гибели отца [Постановление Президиума, 1953].

С наступлением «оттепели» и в последующие десятилетия советская литература сделала немало, чтобы показать войну с «человеческим лицом». В первую очередь, следует отметить произведения представителей так называемой «лейтенантской прозы», начало которой было положено выходом повести В. П. Некрасова — В. П. Астафьева, Г. Я. Бакланова, В. О. Богомолова, Ю. В. Бондарева, В. В. Быкова, Б. Л. Васильева, К. Д. Воробьева, В. К. Кондратьева и других писателей, прошедших

войну, как правило, в званиях младших офицеров и стремившихся донести до читателей в художественной форме правду «окопной жизни». Эта литература выражала рефлексии самих фронтовиков, их собственные переживания войны, нередко вызванные неприятием официальных догм. Характерным героем многих произведений выступает бывший гражданский человек, не являвшийся изначально героем, но одевший шинель ради защиты Родины, с его сильными и слабыми сторонами, страхом перед смертью и верностью долгу.

К изучению событий Великой Отечественной войны обратилось немало и историков под влиянием своего фронтового опыта. Как писал академик А.М. Самсонов: «...на фронте я решил, что если останусь жив, то стану историком Великой Отечественной войны» [Александр Михайлович, 1970, с. 11]. Однако литература в этот период оказалась более свободным жанром повествования о человеке на войне, чем профессиональная историография. Основное внимание советских историков было приковано к руководящей роли ВКП(б), деятельности партийных и комсомольских организаций, истории важнейших событий Великой Отечественной войны, классов советского общества, всенародной борьбе в тылу врага и другим макросоциальным сюжетам в рамках сложившихся подходов к изучению прошлого, на основе преимущественно официальных документов. Поведение на войне бойцов и командиров описывалось стереотипно, истоки массового героизма сводились к советскому патриотизму.

Указанные черты были присущи и опубликованным военным мемуарам, среди которых преобладали воспоминания военачальников, призванные раскрыть остававшиеся неизвестными вопросы истории боевых операций, войсковых объединений и соединений, тем самым, дополнив картину всенародного подвига. «Не один год работал я над книгой "Воспоминания и размышления". Хотелось отобрать из обширного жизненного материала, из множества событий и встреч наиболее существенное и важное, такое, что по достоинству могло бы раскрыть величие дел и свершений народа нашего», – так начинаются мемуары Маршала Советского Союза Г.К. Жукова [Жуков, 1969, с. 5]. «Настоящая книга освещает некоторые события Великой Отечественной войны на юго-западе нашей страны. В ней рассказывается о боевых действиях соединений и объединений, которыми мне пришлось командовать и с которыми я прошел всю войну с первого до последнего дня <...> Надеюсь, что мои воспоминания дополнят ранее опубликованные описания боевых действий Юго-Западного, Сталинградского, Воронежского, 1-го и 4-го Украинских фронтов и будут способствовать военно-патриотическому воспитанию молодежи», – говорилось в воспоминаниях Маршала Советского Союза С.К. Москаленко об их создании [Москаленко, 1979, с. 10–11].

Подобные публикации чаще всего представляли собой литературные записи рассказов полководцев или тексты, подготовленные их помощниками с использованием сохранившихся документов. «Обращаясь к памяти и подкрепляя ее своими старыми записями, архивными документами и историографическими материалами, я постарался возможно подробнее и скрупулезнее восстановить картины прошлого в том виде, как они воспринимались мною в ту пору. Невольно, а зачастую и сознательно я, конечно, не мог не пропускать многие из них сквозь призму моего сегодняшнего

опыта», — признавался генерал армии С. П. Иванов [Иванов, 1990, с. 3]. Закономерно, что в таких текстах немного места занимали личные переживания авторов, считавшиеся менее значимыми для потомков. При Главном политическом управлении Советской армии и Военно-морского флота была учреждена специальная группа, осуществлявшая контроль над публикацией военных мемуаров, с целью не допускать отклонений от официальных оценок событий Великой Отечественной войны.

Упрощенный и идеологизированный подход в оценках советских войск нередко проявлялся и в зарубежной историографии, отдельные представители которой подчеркивали, что бойцы и командиры Красной армии представляли собой «пушечное мясо», воевали под угрозой расстрела и/или опасений расправы над собственными семьями со стороны Советского государства: «У советского солдата не было выхода из замкнутого круга насилия: красноармейцы не имели права на отпуск с фронта, они не получали информации с родины и были полностью отданы на произвол своих командиров и комиссаров. А поскольку человеческие потери <...> превышали все допустимые пределы, внутренняя сплоченность рот и полков тоже оказывалась величиной неустойчивой. Солдаты были разобщены, они оставались наедине с простым фактом собственного существования, и в их страхе перед смертью у них была только одна надежда — как-нибудь пережить завтрашний день» [Баберовски, 2007, с. 213–214, 216]. Переоценивался масштаб антисталинских настроений у военнослужащих Красной армии, оказавшихся в плену. Западногерманский историк Й. Хоффманн считал, что каждый попавший в плен красноармеец становился «антибольшевиком» и «стремился к изменению политической ситуации» в СССР [Хоффманн, 1990, с. 272].

Вероятно, подобные оценки были вызваны не только соответствующими идеологическими стереотипами, связанными с широким распространением теории тоталитаризма в зарубежной политической и исторической науке, но и ограниченными возможностями использования источников у ее представителей. Для зарубежных исследователей были не доступны многие материалы советских архивов, а по отношению к опубликованным в СССР воспоминаниям существовало определенное предубеждение как к продуктам советской пропаганды. Английский историк Дж. Хоскинг отмечал: «Для человека с Запада очень трудно писать о советско-германской войне 1941–45 гг. Отчасти эти трудности объясняются спецификой источников. Такого количества воспоминаний и мемуаров не дал ни один другой период советской истории — что само по себе чрезвычайно примечательно. Однако большинство из них написано военными, уделявшими внимание лишь чисто военной стороне событий. Когда же они касаются более широких проблем, их описания становятся ходульными и полными общих мест» [Хоскинг, 1994, с. 269]. Вследствие недостатка других материалов, отдельные зарубежные исследователи опирались на воспоминания бывших советских военнослужащих, избежавших репатриации на Родину после плена и/или перехода на сторону противника, а также эмигрантов, но одной из задач данных публикаций нередко являлось самооправдание их авторов.

Существенно отличаются от многих других зарубежных исследований труды ведущего американского военного историка Д. Гланца, проанализировавшего

эволюцию боевых возможностей Красной армии, профессиональную подготовку ее командных кадров и боевую выучку солдат. Опираясь на различные источники официального и личного происхождения, он показал, как разгромленная в 1941 г. Красная армия превратилась в армию Победы [Гланц, 2009].

Следует отметить, что еще в годы Великой Отечественной войны в СССР проводились опросы самих фронтовиков. В первую очередь, это материалы, собранные Комиссией по истории Великой Отечественной войны АН СССР, созданной в январе 1942 г. по инициативе известного советского историка И.И. Минца [см.: Вклад историков, 2015]. Только в Сталинграде входившими в ее состав историками в 1942–1943 г. были записаны 215 интервью с участниками сражения, из которых во время войны было опубликовано только одно — со снайпером В.Г. Зайцевым [Зайцев, 1943]. При этом текст при публикации подвергся редактированию и сокращению в соответствии с идеологическими установками: «Повсюду видно, как фрагменты, в которых Зайцев выглядит не совсем героически, либо выброшены, либо переформулированы более пышно» [Сталинградская битва, 2015, с. 498–499].

Впоследствии основная часть материалов Комиссии была передана в архив Института истории СССР АН СССР (сейчас — Институт российской истории РАН). Большинство материалов до сих пор не введено в научный оборот. Только в 2015 г. под редакцией немецкого исследователя Й. Хелльбека было опубликовано около сотни свидетельств о Сталинградской битве: десять стенограмм полностью, остальные фрагментарно, что составляет лишь незначительную часть от всего массива хранящихся документов. Многие из представленных материалов содержат не тривиальные оценки событий войны и ее последствий для советских военнослужащих. Вот, например, фрагмент интервью генерала В.И. Чуйкова, командовавшего в Сталинграде 62-й армией, заметно отличающийся от опубликованных в советское время воспоминаний. Интересно, что о себе, как участнике событий, полководец говорит сначала в третьем лице, а затем переходит к первому лицу, как автор: «Нет таких героев, которые ничего бы не боялись. Никто не знает, что делает Чуйков, когда он остается один, когда нет свидетелей, когда его не видят, и как работает у него мозг в голове. Но чтобы наш командир вышел к своим подчиненным и показал свою слабую душонку, такие находились, но это выродки. Мы сидим в блиндаже, и осколки на нас летят. Что же, мы сидим, и нас не подмывает? Я этому не поверю. Инстинкт самосохранения есть, но гордость человека, командира в особенности, имеет решающее значение в бою» [Сталинградская битва, 2015, с. 404]. Перед этим, рассказывая о тяжелейших боях в городе, В.И. Чуйков признает: «Я прошу только понять, что все это наложило отпечаток на нашу психику». Однако дальше данный сюжет он не стал развивать [Сталинградская битва, 2015, с. 403].

Й. Хелльбек высоко оценивает достоверность и репрезентативность данных материалов, подчеркивая: «Солдаты рассказывают о своей жизни в свободной манере, некоторые — простым крестьянским языком. Иногда возникает впечатление, что слушаешь магнитофонную пленку: настолько полно передан в стенограмме колорит этой речи. Люди рассказывают о своем происхождении, о том, как попали на войну,

о своих солдатских проблемах» [Сталинградская битва, 2015, с. 12]. Однако другие авторы выразили сомнения в том, что интервью могли в полной мере отражать индивидуальный и коллективный опыт участников войны, а лишь фиксировали «существовавшие идеологические клише» [Вклад историков, 2015, с. 131]. Исходные записи и вопросы, использовавшиеся в ходе интервью, не сохранились, что не позволяет проанализировать степень авторского вмешательства при литературном редактировании текстов перед сдачей в архив [Вклад историков, 2015, с. 133].

В послевоенный период писатели К. Симонов, А. Бек, С. Смирнов внесли немаловажный вклад в сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны. Рассказы фронтовиков записывали также краеведческие и школьные музеи, ветеранские организации, но их содержание нередко сводилось к пропагандистским стереотипам. В профессиональной историографии этих лет устные источники приобрели маргинальный статус: подчеркивался их субъективный и недостоверный характер в описании исторических событий, как и других источников личного происхождения. К тому же сбор и хранение устных источников сопровождалось еще и техническими сложностями. Поэтому устные свидетельства о Великой Отечественной войне практически не откладывались в специализированных архивохранилищах.

Только в 1990-е гг. произошли значительные изменения в историографии, позволившие исследователям обратить более пристальное внимание на нарративы участников Великой Отечественной войны. В кандидатской диссертации Е.С. Сенявской и вышедшей на ее основе монографии [Сенявская, 1995] фронтовое поколение впервые рассматривалось как определенная социально-психологическая общность. Отмечая индивидуальный характер восприятия мира каждым человеком, исследователь подчеркивает, что война порождала новые стереотипы поведения. При этом свое влияние на сознание людей оказывали как социально-демографические факторы, так и внешние условия – конкретная боевая обстановка, характер физических и нервных нагрузок, наиболее вероятный вид опасности, специфика контактов с противником, взаимодействие с техникой, особенности военного быта. Впоследствии эти исследования были продолжены на материалах и других войн, которые вела Россия в XX в. [Сенявская, 1999; Сенявская, Сенявский, Жукова, 2017 и др.].

Значительную роль Е.С. Сенявская сыграла и в формировании военно-исторической антропологии как комплексной междисциплинарной отрасли исторической науки на стыке психологии, социологии, культурологии, военной науки и некоторых других дисциплин. Ключевыми задачами конкретно-исторических исследований в рамках нового направления считаются: определение того общего и особенного, что влияет на психологию социума и армии в конкретной войне; изучение взаимовлияния идеологии и психологии вооруженных конфликтов, в том числе механизмов формирования героических символов, а также диалектики соотношения образа войны в массовом сознании и сознании ее участников; анализ психологии боя и солдатского фатализма, проявлений религиозности и атеизма, особенностей самочувствия человека в боевой обстановке и других проблем [Сенявская, 2002].

Проблемы военной повседневности и практики выживания советских военнослужащих в годы Великой Отечественной войны стали предметом специального изучения и в других исследованиях [Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2009; Ларионов, 2015а; Ларионов, 2015b и др.]. В монографии Е.Ю. Зубковой раскрываются особенности вернувшихся с войны фронтовиков и сложности их адаптации к мирной жизни [Зубкова, 2000].

Существенное значение в выработке новых представлений о жизни и судьбе фронтовиков имела запись воспоминаний участников Великой Отечественной войны [см.: Кринко, 2020]. Одним из самых крупных является интернет-проект А.В. Драбкина «Я помню», насчитывающий около 3 тыс. записанных в 2000–2020 гг. интервью, распределенных по отдельным родам и видам войск [Я помню]. На юге России активно записывали воспоминания фронтовиков в первом десятилетии XXI в. И.В. Реброва и Е.Н. Стрекалова [Память о Великой Отечественной, 2008 и др.]. Устно-исторические методы использовались и в ряде исследовательских проектов, реализованных по истории Великой Отечественной войне в Южном научном центре Российской академии наук (ЮНЦ РАН) [Матишов, Афанасенко, Кринко, 2011; Матишов, Афанасенко, Кринко, Курбат, 2012; Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2013; Матишов, Афанасенко, Кринко, Медведев, 2016].

Зафиксированные нарративы позволяют увидеть с новых ракурсов не только события военного времени, но и их участников, лучше понять их переживания. К числу самых тяжелых относится воспоминание об участии в боях врукопашную, обсуждение которых в последние годы нередко сводилось к вопросу о том, с каким лозунгом бойцы Красной армии поднимались и шли в атаку. По словам А.З. Карпенко: «Вот для меня это было такое весьма тяжелое впечатление. Меня иногда спрашивают, а правда, что Вы кричали: “Ура! За Родину! За Одессу!”? Из Одессы много солдат было. И “За Ростов!” кричали, и громко кричали, а почему? Вот, когда масса людей поддерживает друг друга и себя криком, легче идти в драку. Так вот и здесь, если кто-то задрался пять на пять или десять на десять, они же кричат для того, чтобы устроить своих потенциальных противников. Да, кричали “Ура! За Родину! За Сталина!”. Все, что угодно кричали – и в штыковую. А вот когда схлестнутся, тогда уже “За Сталина! За Родину!” не кричали. Тогда уже выли, скулили от боли, потому что раненые появлялись. Убитые молчали. Мат стоял, конечно, отборный, и с той стороны, и с другой стороны. Там уже были крики, не поддающиеся описанию. Всему приходит конец, те, которые оказались победителями, радуются, но люди приходили в себя долго после этого» [Интервью с Карпенко, 2012].

Однако и бои врукопашную померкли на фоне других жестоких картин, притупляя чувство страха: «На войне, конечно, страшно, но страх – он проходит в одно мгновение, когда уже втянулся в бой, видишь раненых, видишь погибших, и он притупляется. И на нож лезешь, и сам нож применяешь» [Интервью с Карпенко, 2012]. Тот же очевидец вспоминал как об одном из самых сильных своих потрясений о впервые увиденных ожоговых раненых: «Иду по коридору, и идут навстречу два или три человека. Это раненые идут, и вот так вот руки перед собой держат. И запах такой

ужасный, что-то страшное. А это или летчик или танкист, и у него сгорели руки. Вот, пальца вот такие вот, большие, и с одной, и с другой стороны марля, потому что видно все. То ли они привязаны, вот так, враспырку пальцы – тоненькие, тоненькие, а боль! Они идут и прямо плачут, запах такой, запах ужасный. Вот это на всю жизнь запомнилось...» [Интервью с Карпенко, 2012]

Отдельной темой в воспоминаниях фронтовиков проходит вопрос о роли женщин на войне. В большинстве случаев фронтовики, интервью с которыми были записаны в рамках указанных проектов ЮНЦ РАН говорили об уважительном отношении к женщинам-военнослужащим – медицинским работникам, связисткам, зенитчикам и представителям других воинских специальностей: «У нас на батарее была санинструктор – девушка, одна на сорок человек. Так мы все благоволили к ней, все влюблялись, все ухаживали: Лена, Леночка. Охраняли, специально землянку поглубже выкапывали. Все думали, что она именно тебе предпочтение отдаст. Мы же пацаны, мало еще что понимали. Но возраст говорил, любить же надо было» [Интервью с Синюгиным, 2001].

Однако в рассказах приводятся и примеры сожительства женщин-военнослужащих со старшими офицерами («А дальше в тыл – офицеры, им в [19]43 г. погоны дали. Они все женатые, у них в тылу жены и даже дети, а здесь они девочек бедных использовали, затем бросали. Даже сейчас знаю многих фронтовичек, которые после войны уже так и не вышли замуж» [Интервью с Синюгиным, 2001]). Упоминаются приставания в госпиталях и санитарных поездах со стороны выздоравливающих военнослужащих («Девчонки плакали, выходили оттуда, били по рукам их, т.е. нагло себя вели. Я представляю, что там делалось на передовой» [Интервью с Коваленко, 2012]). Говорится и о негативном отношении к вернувшимся домой женщинам после демобилизации («когда вернулись наши девочки, потом мне рассказывали, их все презирали, тех, кто был на фронте» [Интервью с Коваленко, 2012]). Обращает на себя внимание то, что эти примеры, как правило, соотносятся с другими фронтовиками, а не с самими респондентами. Рефреном же и в женских, и в мужских нарративах звучит: «Женщине в войну было очень трудно» [Интервью с Коваленко, 2012]; «Очень женщинам доставалось, жалею об этом. Действительно, война не для женщин» [Интервью с Тупыленко, 2001].

Высоко оценивают многие фронтовики отношения внутри своих воинских коллективов и боевое товарищество. По словам П.В. Синюгина, его оружейный расчет состоял из пяти человек: «Командир, наводчик, замковый, подносчик и ездовой. Мы – в одном окопе, без войскового товарищества тут никак не обойтись, что бы ты ни делал. Взаимозаменяемость и взаимоуважение были <...>. До сих пор переписываемся с теми, с кем бывали вместе. И национального вопроса мы не знали, у нас в расчете был татарин, узбек, армянин, я русский. Мы не знали, что такое рознь национальная» [Интервью с Синюгиным, 2001]. Отсутствие противоречий между служившими вместе бойцами и командирами разных национальностей подтверждал и Н.А. Тупыленко, в 18 лет по окончании шестимесячного военного училища принявший под свое командование под Сталинградом минометную роту в

45 человек: «Восемь национальностей в роте было. И татары, и литовцы, и русские, и евреи. Мне жизнь спас азербайджанец-лейтенант». Разумеется, многое зависело от поведения самого командира, который делился с бойцами офицерским пайком: «Офицеры получали дополнительные пайки. Но рота маленькая, я сразу: “Ребята, подходи”». Раздам всем по печеню. Дружба у нас была» [Интервью с Тупыленко, 2001]. С другой стороны, Н.Д. Костылев упоминает, как при неожиданном нападении немцев молодое пополнение из одной закавказской республики, плохо понимая русский язык и команды командира, в бой не пошло, «сбились в угол и все». Старшему сержанту пришлось бегать «от одного пулемета к другому — делал видимость, что стреляют везде» [Интервью с Костылевым, 2009].

Следует учесть, что на содержание нарративов в немалой степени влияет последующий опыт респондентов, их профессиональный и общественный статус. Как правило, руководители ветеранских организаций, а также фронтовики, имевшие опыт предыдущих выступлений в учебных заведениях и других местах, стремятся в своих описаниях не выходить за рамки общепринятых в публичном пространстве представлений. Те же, кто никогда прежде не делился своими рассказами с интервьюером, чей опыт пребывания на фронте оказался по разным причинам не отмечен государственными наградами, нередко сомневаются в его ценности. «Я вот, что думаю: неинтересно со мной будет Вам разговаривать, потому что я непосредственно на передовой всего три дня был», — начал интервью, продолжавшееся затем 2,5 часа, Г.К. Черчемболиев [Интервью с Черчемболиевым, 2013].

Значительно выросло в 1990–2000-е гг. и количество опубликованных воспоминаний о войне. Часть авторов стремилась таким образом увековечить свою жизнь и жизнь своих боевых товарищей: «Уходят из жизни мои фронтовые друзья. И каждый такой уход, как черта, как итог, заставляет задуматься: хватит ли сил и времени, чтобы передать наш опыт мужества детям и внукам?» [Голубева-Торес, 2009, с. 6]. Другие ветераны записывают свои воспоминания ради сохранения семейной истории, удовлетворяя просьбы родственников: «Я в прошлом году начал писать автобиографический очерк. Я его назвал так. Это приезжала племянница из Башкирии, я родом из Башкирии, ну и попросила, я ж всю войну на фронте был, а они сейчас молодые, ничего не знают, побольше узнать. И другая родня по жене — остались племянники и племянницы, тоже просят описать военное время, послевоенное время. Вот я и начал писать» [Интервью с Гнетовым, 2013].

Цели воспоминаний определяют в значительной степени и их содержание: по сравнению с публикациями советского времени в них значительно меньше сказывается влияние идеологии, значительно больше уделяется внимания обстоятельствам повседневной жизни на фронте. Наряду с этим, очевидно сохранение табуированных тем, о которых не всегда приятно рассказывать, тем более, если воспоминания призваны служить целям патриотического воспитания. Можно выделить всего несколько публикаций, ставших своеобразными исключениями из общепринятых неформальных меморатных практик. Одной из них, безусловно, являются воспоминания Л.Н. Рабичева с говорящим названием «Война все спит». Автор

описал сложности своей адаптации городского юноши-студента из обеспеченной семьи к армейскому быту, а вместе с тем пьянство, мат, воровство, беспорядочные сексуальные отношения сослуживцев и, наконец, массовые факты изнасилования советскими военнослужащими немецких женщин в оккупированной Германии. Его осуждение вызывает: «Вседозволенность, безнаказанность, обезличенность и жестокая логика обезумевшей толпы» [Рабичев, 2010, с. 194].

Несколько иначе, но также выпадают из общего «хора» голосов участников войны дневники маршала А.И. Еременко [Еременко, 2013]. Хотя в аннотации он представлен «человеком кристальной честности», который «с неподдельной объективностью нередко пишет горькие, но правдивые слова об отдельных военачальниках и о непростых ситуациях на фронте», но строчки его дневника приоткрывают образ человека, крайне ревниво относившегося к чужим заслугам, особенно Г.К. Жукова, с которым он связывал свои служебные неудачи (недополученные звания и награды). Противоречащие каноническим представлениям памяти о войне, данные публикации вызвали в последнее время немало критики, вплоть до отказа признавать их аутентичными текстами.

Таким образом, первоначально формирование образов фронтовиков являлось в большей степени заслугой художественной литературы, чем профессиональной историографии. Еще в военные годы были проведены первые опросы участников Великой Отечественной войны, но вплоть до последнего времени они оставались практически не востребованными из-за господствовавших в советской историографии подходов. Под значительным влиянием идеологии находилось и издание мемуарной литературы. Ситуация принципиально изменилась в 1990–2000-х гг. в связи с изменением подходов к изучению прошлого, в первую очередь, с антропологическим поворотом в отечественной исторической науке, бурным развитием устной истории. За прошедшие три десятилетия не только опубликованы сотни новых мемуаров, но и создан ряд частных собраний (архивов) интервью фронтовиков. Они стали необходимой основой для многих современных исследований, однако возможности их дальнейшего использования вызывают многочисленные вопросы, особенно в связи с фактическим завершением эпохи непосредственных свидетелей военного времени.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Александр Михайлович Самсонов. М.: Наука, 1970. 57 с.

Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / отв. ред. С.В. Журавлев. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 383 с.

Гланц Д. Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М.: Яуза, Эксмо, 2009. 544 с.

Голубева-Терес О.Т. Ночные рейды советских летчиц. Из летной книжки штурмана У-2. 1941–1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 286 с.

- Ерёменко А.И.* Дневники, записки, воспоминания. 1939–1946. М.: РОССПЭН, 2013. 391 с.
- Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М.: Издательство Агентства печати «Новости», 1969. 735 с.
- Зайцев В.Г.* Герой Советского Союза. Рассказ снайпера. М.: Воениздат, 1943. 20 с.
- Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: ИРИ РАН, 2000. 230 с.
- Иванов С.П.* Штаба армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990. 480 с.
- Интервью с Гнетовым Алексеем Федоровичем, 1925 г.р. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Запись 3 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.
- Интервью с Карпенко Александром Захаровичем, 1921 г.р. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Запись 13 марта 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.
- Интервью с Коваленко Зоей Григорьевной, 1926 г.р. Интервьюер Е.Ф. Кринко. Запись 29 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.
- Интервью с Костылевым Н.Т., 1925 г.р. Интервьюер Е.Ф. Кринко. Запись 27 мая 2009 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.
- Интервью с Синюгиным Петром Васильевичем, 1924 г.р. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, О.Н. Тупикова. Запись 5, 19 ноября 2001 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.
- Интервью с Тупыленко Николаем Алексеевичем, 1923 г.р. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, О.Н. Тупикова. Запись 5 ноября 2001 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.
- Интервью с Черчемболиевым Григорием Корнеевичем, 1926 г.р. Интервьюер Е.Ф. Кринко. Запись 30 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.
- Кринко Е.Ф.* Устная история Великой Отечественной войны: институционализация и результаты исследований на юге России // *Исторический курьер*. 2020. № 5 (13). С. 196–215.
- Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
- Кринко Е.Ф., Тажиудинова Т.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.
- Ларионов А.Э.* Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь РККА 1941–1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. 295 с.
- Ларионов А.Э.* Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: управление, организация и материальные условия жизни РККА в 1941–1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. 30 с.
- Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 228 с.

Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942–осень 1943 гг.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 281 с.

Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Медведев М.В. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 456 с.

Москаленко К.С. На юго-западном направлении. Кн. 1. 3-е изд. М.: Воениздат, 1979. 416 с.

Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современно России. Материалы и исследования. СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2008. 292 с.

Перевалова С.В. «Есть имена, и есть такие даты!»: Сталинград и его защитники в русской послевоенной прозе // *Грани познания. Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ*. 2012. №6 (20). Декабрь. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1358409281.pdf> (дата обращения – 12 октября 2020 г.).

Плимак Е. Как писался и печатался «Василий Теркин» // *Континент*. 2008. № 138. URL: <https://magazines.gorky.media/continent/2008/138/kak-pisalsya-i-pechatalasya-vasilij-terkin.html> (дата обращения – 23 августа 2020 г.).

Постановление Президиума Правления Союза советских писателей СССР «О романе В. Гроссмана “За правое дело” и о работе редакции журнала “Новый мир”» // *Альманах «Россия. XX век»*. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55433> (дата обращения – 12 сентября 2020 г.).

Рабичев Л. Война всё спишет: Воспоминания офицера-связиста 31-й армии. 1941–1945. М: Центрполиграф, 2010. 254 с.

Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. 218 с.

Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // *Отечественная история*. 2002. № 4. С. 135–145.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 382 с.

Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века. Очерки по военной антропологии. М.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2017. 422 с.

Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост. А.Я. Лившин, И.В. Орлов. М.: РОССПЭН, 2007. 806 с.

Сталинградская битва. Свидетельства участников и очевидцев / пер. с нем.; отв. ред. Й. Хелльбек. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 672 с.

Твардовский А.Т. Василий Теркин. Книга про бойца. М.: Наука, 1976. 530 с.

Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917–1991. М.: Вагриус, 1994. 510 с.

Хоффманн Й. История Власовской армии. Париж: YMCA-PRESS, 1990. 379 с.

Я помню. URL: <https://iremember.ru> (дата обращения – 12 сентября 2020 г.).

REFERENCES

- Aleksandr Mikhailovich Samsonov* [Alexander Mikhailovich Samsonov]. Moscow: Nauka, 1970. 57 p. (in Russian).
- Vklad istorikov v sokhranenie istoricheskoy pamyati o Velikoy Otechestvennoy voyne. Na materialakh Komissii po istorii Velikoy Otechestvennoy voyny AN SSSR, 1941–1945 gg.* [The contribution of historians to the preservation of the historical memory of the Great Patriotic War. On materials of the Commission on the History of the Great Patriotic War of the Academy of Sciences of the USSR, 1941–1945] / resp. ed. S.V. Zhuravlev. Moscow – St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. 383 p. (in Russian).
- Eremenko A.I. *Dnevniki, zapiski, vospominaniya. 1939–1946* [Diaries, notes, memories. 1939–1946]. Moscow: ROSSPEN, 2013. 391 p. (in Russian).
- Glants D. *Vosstavshie iz pepla. Kak Krasnaya Armiya 1941 goda prevratilas' v Armiyu Pobedy* [Risen from the ashes. How the Red Army of 1941 became a Victory Army]. Moscow: Yauza, Eksmo, 2009. 544 p. (in Russian).
- Golubeva-Teres O.T. *Nochnye reydy sovetskikh letchits. Iz letnoy knizhki shturmana U-2. 1941–1945* [Night raids by Soviet female pilots. From the flight book of the navigator U-2. 1941–1945]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2009. 286 p. (in Russian).
- Zhukov G.K. *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memories and Reflections]. Moscow: Izdatel'stvo Agentstva pechati "Novosti", 1969. 735 p. (in Russian).
- Zaytsev V.G. *Geroy Sovetskogo Soyuz. Rasskaz snaypera* [Hero of the Soviet Union. The sniper's story]. Moscow: Voenizdat, 1943. 20 p. (in Russian).
- Zubkova E.Yu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow: IRI RAN, 2000. 230 p. (in Russian).
- Interview with Gnetov Aleksey Fedorovich*, born 1925. Interviewer: E.F. Krinko, T.P. Khlynina. Recorded on April 3, 2013, in Archive of the Laboratory of History and Ethnography, SSC RAS.
- Interview with Karpenko Aleksandr Zakharovich*, born 1921. Interviewer: E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Recorded on March 13, 2012, in Archive of the Laboratory of History and Ethnography, SSC RAS.
- Interview with Kostylev N. T., born 1925*. Interviewer: E.F. Krinko. Recorded on May 27, 2009, in Archive of the Laboratory of History and Ethnography, SSC RAS.
- Interview with Kovalenko Zoya Grigor'evna*, born 1926. Interviewer: E.F. Krinko. Recorded on October 29, 2012, in Archive of the Laboratory of History and Ethnography, SSC RAS.
- Interview with Sinyugin Petr Vasil'evich*, born 1924. Interviewer: E.F. Krinko, O.N. Tupikova. Recorded on November 5, 19, 2001, in Archive of the Laboratory of History and Ethnography, SSC RAS.
- Interview with Tupylenko Nikolay Alekseevich*, born 1923. Interviewer: E.F. Krinko, O.N. Tupikova. Recorded on November 5, 2001, in Archive of the Laboratory of History and Ethnography, SSC RAS.
- Interview with Cherchemboliev Grigoriy Korneevich*, born 1926. Interviewer: E.F. Krinko. Recorded on April 30, 2013, in Archive of the Laboratory of History and Ethnography, SSC RAS.

Ivanov S.P. *Shtab armeyskiy, shtab frontovoy* [Army headquarters, front-line headquarters]. Moscow: Voenizdat, 1990. 480 p. (in Russian).

Krinko E.F. *Ustnaya istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny: institutsionalizatsiya i rezul'taty issledovaniy na yuge Rossii* [Oral history of the Great Patriotic War: institutionalization and research results in the south of Russia] in *Istoricheskiy kur'er*. 2020. No.5 (13). Pp. 196–215. (in Russian).

Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P. *Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920–1040-kh gg.: zhizn' v usloviyakh sotsial'nykh transformatsiy* [The everyday world of Soviet people in the 1920s–1040s: life under conditions of social transformations]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2011. 360 p. (in Russian).

Krinko E.F., Tazhidinova T.G., Khlynina T.P. *Chastnaya zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviyakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945)* [The Private Life of Soviet People in Wartime Conditions: Space, Boundaries and Mechanisms of Realization (1941–1945)]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2013. 362 p. (in Russian).

Larionov A.E. *Frontovaya povsednevnost' Velikoy Otechestvennoy voyny: sotsial'nye kommunikatsii i dukhovnaya zhizn' RKKA 1941–1945 gg.* [Frontline everyday life of the Great Patriotic War: social communications and spiritual life of the Red Army 1941–1945]. Moscow: Zolotoe sechenie, 2015. 295 p. (in Russian).

Larionov A.E. *Frontovaya povsednevnost' Velikoy Otechestvennoy voyny: upravlenie, organizatsiya i material'nye usloviya zhizni RKKA v 1941–1945 gg.* [Frontline everyday life of the Great Patriotic War: management, organization and material conditions of life of the Red Army in 1941–1945]. Moscow: Zolotoe sechenie, 2015. 303 p. (in Russian).

Matishov G.G., Afanassenko V.I., Krinko E.F. *Mius-front v Velikoy Otechestvennoy voynе. 1941/1942 gg. 1943 g.* [Mius Front in the Great Patriotic War. 1941/1942 1943]. 2-e izd., ispr. i dop. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2011. 228 p. (in Russian).

Matishov G.G., Afanassenko V.I., Krinko E.F., Kurbat T.G. *Voyna. Yug. Perelom (leto 1942–osen' 1943 gg.)* [The War. South. Turning point (Summer 1942–Autumn 1943)]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2012. 281 p. (in Russian).

Matishov G.G., Afanassenko V.I., Krinko E.F., Medvedev M.V. *Bol'shaya izluchina Dona – mesto reshayushchikh srazheniy Velikoy Otechestvennoy voyny (1942–1943 gg.)* [The big bend of the Don is the site of the decisive battles of the Great Patriotic War (1942–1943)]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2016. 456 p. (in Russian).

Moskalenko K.S. *Na yugo-zapadnom napravlenii* [In the South-West direction] Book 1. 3rd ed. Moscow: Voenizdat, 1979. 416 p. (in Russian).

Pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voynе v sotsiokul'turnom prostranstve sovremenno Rossii. Materialy i issledovaniya [Memory of the Great Patriotic War in the socio-cultural space of modern Russia. Materials and research]. St. Petersburg: Publishing house "Evropeyskiy Dom", 2008. 292 p. (in Russian).

Perevalova S.V. *"Est' imena, i est' takie daty!": Stalingrad i ego zashchitniki v russkoy poslevoennoy proze* ["There are names, and there are such dates!": Stalingrad and its defenders in Russian post-war prose] in *Grani poznaniya. Electronic scientific and educational journal VGSPU*. 2012. No. 6 (20). December. Available at: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1358409281.pdf> (accessed 12 October 2020). (in Russian).

Plimak E. *Kak pisalsya i pechatalysya "Vasilij Terkin"* [How Vasily Terkin Was Written and Published] in *Continent*. 2008. No. 138. Available at: <https://magazines.gorky.media/continent/2008/138/kak-pisalsya-i-pechatalysya-vasilij-terkin.html> (accessed 23 August 2020) (in Russian).

Postanovlenie Prezidiuma Pravleniya Soyuza sovetskikh pisateley SSSR "O romane V. Grossmana 'Za pravoe delo' i o rabote redaktsii zhurnala 'Novyy mir'" [Resolution of the Presidium of the Board of the Union of Soviet Writers of the USSR "On the novel by V. Grossman 'For a Just Cause' and on the work of the editorial board of the magazine 'New World'"] in *Almanah "Russia. XX century"*. Available at: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55433> (date accessed September 12, 2020) (in Russian).

Rabichev L. *Voyna vse spishet: Vospominaniya ofitsera-svyazista 31-y armii. 1941–1945* [The War Will Write It Off: Memoirs of a Signal Officer of the 31st Army. 1941–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. 254 p. (in Russian).

Senyavskaya E.S. *1941–1945: Frontovoe pokolenie: Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie* [1941–1945: Frontline generation: Historical and psychological research]. Moscow: IRH RAS, 1995. 218 p. (in Russian).

Senyavskaya E.S. *Psikhologiya voyny v XX veke: Istoricheskiy opyt Rossii* [The Psychology of War in the 20th Century: The Historical Experience of Russia]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 382 p. (in Russian).

Senyavskaya E.S. *Voенно-istoricheskaya antropologiya – novaya otras' istoricheskoy nauki* [Military-historical anthropology – a new branch of historical science] in *Otechestvennaya istoriya*. 2002. No. 4. Pp. 135–145. (in Russian).

Senyavskaya E.S., Senyavskiy A.S., Zhukova L.V. *Chelovek i frontovaya povsednevnost' v voynakh Rossii XX veka. Ocherki po voennoy antropologii* [Man and daily life at the front in the wars of Russia of the XX century. Essays on military anthropology]. Moscow: IRH RAS, Center for Humanitarian Initiatives, 2017. 422 p. (in Russian).

Sovetskaya propaganda v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: "kommunikatsiya ubezhdeniya" i mobilizatsionnye mekhanizmy [Soviet propaganda during the Great Patriotic War: "communication of persuasion" and mobilization mechanisms] / author-comp. A.Ya. Livshin, I.B. Orlov. Moscow: ROSSPEN, 2007. 806 p. (in Russian).

Stalingradskaya bitva. Svidetel'stva uchastnikov i ochevidtsev [Battle of Stalingrad. Testimonies of participants and eyewitnesses] / per. from German; ed. J. Hellbeck. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 672 p. (in Russian).

Tvardovskiy A.T. *Vasilij Terkin. Kniga pro boytsa* [Vasily Terkin. A book about a fighter]. Moscow: Nauka, 1976. 530 p. (in Russian).

Khosking D. *Istoriya Sovetskogo Soyuza. 1917–1991* [History of the Soviet Union. 1917–1991]. Moscow.: Vagrius, 1994. 510 p. (in Russian).

Khoffmann Y. *Istoriya Vlasovskoy armii. Parizh* [History of the Vlasov army]. Paris: YMCA-PRESS, 1990. 379 p. (in Russian).

Ya pomnyu [I remember]. Available at: <https://iremember.ru> (accessed 12 September 2020).